

**ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМОВ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ «Я»
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШИВШИХ
ГОМИЦИДНЫЕ ДЕЙСТВИЯ****DISTINCTIVE FEATURES OF
PSYCHOLOGICAL SELF-DEFENSE OF
ADOLESCENTS AFTER COMMITTING
HOMICIDAL ACTS**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности механизмов психологической защиты «Я» несовершеннолетних, совершивших гомицидные действия, и ее эффективность в плане решения подростками экзистенциальных проблем. Изучены основные характеристики психологической защиты «Я»: общий уровень напряженности всей системы психологической защиты, выявлены ведущие, основные механизмы и оценена степень напряженности каждого, широта и гибкость защитного репертуара.

Ключевые слова: психологическая защита «Я»; несовершеннолетние подростки; гомицидные действия.

Сведения об авторе: Коваленко Светлана Васильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и развития.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628624, г. Нижевартовск, ул. Ханты-Мансийская, д. 29б, кв. 79; тел.: 9048827898.
E-mail: svetlana.70@list.ru

Abstract. The present paper considers peculiar issues associated with the psychological self-defense in adolescents after committing homicides and its effectiveness when they deal with existential issues. The main characteristics of a psychological self-defense are studied, such as an overall tension degree of the entire self-defense system; the dominant self-defense mechanisms are revealed, the tension degree of every mechanism alongside a wide range of forms they take are evaluated.

Key words: psychological self-defense; adolescents; homicidal acts.

About the author: Svetlana Vasilievna Kovalenko, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor at the Department of Educational and Developmental Psychology.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Проблемам подростково-молодежной преступности посвящены многочисленные работы отечественных психологов, педагогов и криминологов (Ю.М.Антонян, А.И.Долгова, П.Н.Ермаков, Г.И.Забрянский, В.В.Королев, И.А.Кудрявцев, А.Е.Личко, Г.М.Миньковский, О.Ю.Михайлова, О.А.Потапенко, А.Р.Рашинов, Ф.С.Сафуанов, А.М.Яковлев и др.).

Немало исследований направлено на изучение ценностных ориентаций, системы жизненных ценностей и общей личностной направленности девиантных и делинквентных подростков (И.В.Абакумова, М.А.Алемаскин, С.А.Беличева, И.В.Дубровина, А.А.Кокуев, В.Ф.Пирожков, А.А.Реан, Д.И.Фельдштейн и т.д.). В то же время остается практически не исследованным содержание основных «бытийных» представлений делинквентных подростков, определяющих всю систему их смысложизненных ориентаций — представлений о жизни и смерти.

Между тем необходимость изучения особенностей механизмов психологической защиты «Я» у несовершеннолетних, совершивших гомициды, по сравнению с подростками, совершившими корыстные деликты, имеет важное значение для определения репертуара защитных реакций. Мы полагали, что осознание собственных насильственных действий, которые повлекли столь тяжкие последствия, как смерть человека, должны актуализировать у подростков мощную систему защитных механизмов, которая будет характеризоваться своеобразием репертуара защитных реакций.

Для решения этой задачи нами предполагалось исследовать основные характеристики психологической защиты «Я»: общий уровень напряженности всей системы психологической защиты, выявить ведущие, основные механизмы, оценить степень напряженности каждого и оценить широту и гибкость защитного репертуара. Представлялось, что изучение этих

показателей позволит выделить особенности психологической защиты несовершеннолетних, совершивших гомициды, и ее эффективность в плане решения подростками экзистенциальных проблем.

Для изучения общей напряженности защит, напряженности отдельных защитных механизмов и репертуарных особенностей психологической защиты применялся опросник «Индекс жизненного стиля» (Life Style Index), предложенный R.Plutchik с соавторами [9]. В эмпирическом исследовании нами был использован вариант опросника, адаптированный и рестандартизированный Л.Р.Гребенниковым [7].

Для сравнения мы использовали нормативные показатели, полученные Е.С.Романовой и Л.Р.Гребенниковым [7] на группе школьников, а также результаты исследования, проведенного Е.Б.Михайлюк [3] на выборке несовершеннолетних с разным уровнем проявления поведенческих девиаций.

Обе обследованные нами группы несовершеннолетних продемонстрировали выраженную общую напряженность психологических защит. В сравнении с нормативными показателями [7] превышение уровня общей напряженности психологических защит составляет статистически значимую величину ($p \leq 0,01$) и по выборке в целом, и по отдельным группам.

Результаты нашего исследования подтверждают данные Е.Б.Михайлюк [3], однако показатели, полученные ею, несколько ниже. По-видимому, выявленные различия определяются спецификой объекта нашего исследования.

Вероятно, высокая напряженность системы психологической защиты «Я» связана с общей тенденцией девиантных подростков к стремлению защищать свое «Я», повышать самооценку и сохранять самоуважение, подвергшись негативной социальной оценке.

Надо отметить, что в научной литературе выявленная в настоящем исследовании тенденция активного обращения несовершеннолетних к механизмам психологической защиты «Я» связывается с наличием дезадаптированности в период пубертата, что, в свою очередь, обнаруживается в трудностях полоролевой идентификации и построения новых отношений с окружающими людьми [3; 4; 6; 8]. Именно с этим связывается недостаточная личностная зрелость подростка, сниженная способность осознания определенных аспектов действительности, что, в свою очередь, находит отражение в оценке возрастной вменяемости.

Различия между показателями отдельных групп по общей напряженности психологических защит также статистически значимы, достоверность различий достигает 99%-го уровня.

Сравнительный анализ свидетельствует о том, что репертуар защитных механизмов разных групп отличается процентным содержанием в них защит разного уровня зрелости личности.

Показатель общей напряженности психологических защит, выявленной у подростков, совершивших гомициды, связан, в первую очередь, с их склонностью прибегать в условиях угрозы «Я» к защитами наиболее примитивного уровня — протективным. Группа подростков, совершивших корыстные деликты, также обнаруживает склонность к защитами примитивного уровня, выраженную, однако, достоверно ниже. Достоверность различий между соответствующими показателями групп достигает уровня 99%.

Статистически значимых различий в тенденции использовать дефензивные механизмы в группах несовершеннолетних не выявляется. В то же время исследование показало, что выраженность компенсаторных механизмов в обеих группах достоверно ниже, по сравнению с нормотипом ($p \leq 0,01$).

Обнаруживаются и качественные различия в репертуаре психологических защит подростков рассматриваемых нами групп.

Надо заметить, что в исследовании психологических защит у подростков старшего возраста, проведенном Е.С.Романовой и Л.Р.Гребенниковым [7], выделено четыре механизма защи-

ты, которые используются подростками значимо выше нормы: отрицание, регрессия, проекция и реактивное образование. Полученные результаты авторы связывают с ростом уровня тревожности и повышением неуверенности в себе, что характерно для развивающейся личности в подростковом возрасте. В другом исследовании, проведенном Е.С.Романовой и Л.Р.Гребенниковым [7], где механизмы защит выявлялись у лиц, осужденных за правонарушения, было показано, что осужденные за хулиганские действия сверхнормативно обращаются к отрицанию, подавлению, проекции и замещению. Аналогичные результаты получила Е.Б.Михайлюк [3]. Однако в ее исследовании у подростков-делинквентов обнаруживается и высокая напряженность регрессии.

В нашем исследовании репертуар предпочитаемых защит несколько иной. Для подростков, совершивших гомициды, наиболее типичными являются проекция, замещение, отрицание и подавление (перечислены в порядке убывания значимости). Подростки, совершившие корыстные деликты, склонны использовать проекцию, регрессию, отрицание и реактивное образование.

Рассмотрим репертуарные особенности системы психологической защиты «Я» в анализируемых группах несовершеннолетних.

Отрицание, регрессия и проекция, как известно, относятся к защитами примитивного уровня. Надо заметить, что в соответствии со структурной теорией личности Н.Kellerman [9], которая лежит в основе использованного нами опросника LSI, примитивные защитные механизмы связаны с выполнением личностью разных ролей: отрицание — ролью романтика, регрессия — ролью ребенка, проекция — ролью контролера.

Показательно, что в структуре примитивных защит в обеих группах подростков доминирует проекция. С одной стороны, это указывает на то, что все подростки, вошедшие в нашу выборку, характеризуются наличием «чувства взрослости» (А.Е.Личко), стремлением контролировать свою жизнь и происходящие события.

С другой стороны, по мнению А.Р.Ратинова и Г.Х.Ефремовой [5], именно проецирование собственных негативных черт на других лиц или на окружение является фактором конфликтности и самым распространенным способом самооправдания собственной агрессивности. Проекция на других лиц и окружение в целом собственных черт, намерений и поступков позволяет преступнику преобразовать информацию, придавая правонарушению «спровоцированный характер». Проецируя на других участников событий собственные преступные намерения, субъект снимает с себя ответственность за совершенные антисоциальные деяния.

Надо заметить, однако, что хотя в обеих группах напряженность проекции выше по сравнению с нормотипом, однако в группе несовершеннолетних, совершивших гомициды, соответствующий показатель достоверно выше, чем в группе подростков, совершивших корыстные деликты ($p \leq 0,01$), что указывает на большую конфликтность их поведения.

Подростки, совершившие насильственные действия, повлекшие смерть человека, достоверно чаще как по сравнению с нормотипом, так и по сравнению с несовершеннолетними, совершившими корыстные деяния, склонны обращаться к такому примитивному механизму защиты, как отрицание. Отрицание реальности (во всех группах превышение напряженности значимо на уровне $p \leq 0,05$) и отрицание негативной информации подростком блокирует адекватность восприятия им ситуации, в результате чего не допускается в сознание несоответствие с теми моделями, которые сложились в его непосредственном опыте. В их числе, видимо, оказывается и отрицание социальных и правовых норм, которые не нашли отражения в перцептивном опыте подростка. Отрицая факт совершения деликта, подросток не принимает негативную информацию относительно собственного поведения, таким образом, он снимает с себя ответственность за совершенное деяние.

В то же время подростки, совершившие корыстные деликты, достоверно чаще по сравнению с основной группой склонны прибегать к использованию такого защитного механизма как регрессия. Достоверность различий с нормативным показателем достигает уровня 99%, а с показателем, полученным в группе подростков, совершивших гомициды, — 95%.

Высокая напряженность такого защитного механизма как регрессия связывается с попытками компенсировать неуверенность в собственных силах и преодолеть страх неудачи, что характерно для подросткового возраста. Как уже отмечалось, регрессия как обращение к более ранним формам поведения связана с ролью ребенка. В этом плане весьма интересно, что обследованные нами подростки, продемонстрировавшие выраженное «чувство взрослости», тем не менее, обнаруживают склонность использовать преимущества детского возраста, даваемые им ролью ребенка.

Отрицание является третьим по уровню выраженности механизмом психологической защиты «Я» как в группе подростков, совершивших гомициды, так и у корыстных несовершеннолетних. Надо заметить, что отрицание и проекция теоретически считаются полярными механизмами защиты [7]. В то же время оба механизма связаны с эмоциональным спонтанным переживанием принятия-отвержения и выражают социализированные формы страха. Причем проекция предполагает возложение ответственности на обстоятельства или людей, которые вызывают негативные эмоции, а при отрицании игнорируется сама негативная информация. Можно полагать, что сочетание полярных механизмов в репертуаре психологической защиты «Я» у подростков, совершивших гомициды, указывает, с одной стороны, на недостаточную личностную зрелость этих подростков, а с другой — на неэффективность системы психологической защиты.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что выраженность защит более высокого уровня — дефензивных — в обеих исследуемых группах примерно одинакова. В то же время числовые значения показателей их выраженности, как и ожидалось, достоверно выше, чем нормативные, и составляют, соответственно, 21,02 и 19,11 баллов по сравнению с 15,89, полученными Е.С.Романовой и Л.Р.Гребенниковым [7] в группе законопослушных школьников.

Несмотря на то, что показатель напряженности дефензивных защит у подростков, совершивших гомициды, достоверно ниже, чем защит примитивного уровня, вторым по степени выраженности механизмом защиты «Я» у подростков, совершивших гомициды, является замещение. Надо заметить, что согласно психоэволюционной теории R.Plutchik замещение регулирует переживание, экспрессию и поведение на основе гнева и коррелирует с такой личностной чертой как агрессивность. Замещение — защитный механизм, действующий при сдерживании эмоции гнева, в ходе которого происходит перенос действия или реакции с недоступного объекта, выступающего в качестве фрустратора, на другой, более доступный. Причем предполагается, что этот механизм является противоположным отрицанию, которое, в свою очередь, зависит от такой личностной черты как доверительность и связано с истероидным типом личности. Как утверждают авторы методики [9], чем больше уровень гнева — агрессии, тем чаще субъект прибегает к механизму замещения, и, наоборот, чем выше потребность адаптироваться к ситуации путем ее принятия, тем более напряженным будет отрицание.

Сочетание высокой напряженности замещения с почти столь же выраженной напряженностью отрицания свидетельствует, по-видимому, с одной стороны, о высокой агрессивности представителей этой группы, а с другой — о их доверчивости. Можно полагать, что у обследованных нами подростков выявленное сочетание механизмов защиты «Я» выполняет компенсаторные функции и связано с фактом пребывания в учреждении закрытого типа. Высокая напряженность отрицания может отражать бессознательное желание подростков соответствовать требованиям среды — условиям содержания в учреждении закрытого типа. Сверхнормативное

использование замещения, в этом плане, отражает характер взаимоотношений в таких учреждениях, где жестко наказываются проявления агрессии в отношении персонала, например, офицеров-воспитателей, которые собственно и являются для подростков основными фрустраторами. В силу этого проявления гнева и агрессии перемещаются на иррелевантный объект, чаще всего на более слабых подростков.

В нашем исследовании подростки, совершившие насильственные действия, повлекшие смерть человека, обнаружили достаточно высокие показатели напряженности такого механизма психологической защиты «Я», как подавление. Обнаруживаются значимые различия как по сравнению с нормотипом, так и с группой корыстных несовершеннолетних ($p \leq 0,05$). Показатель напряженности подавления последних, хотя и несколько выше, чем у нормотипа (составляя, соответственно, 5,83 и 5,17 баллов), но выявляемые различия не достоверны.

Высокая напряженность подавления отражает низкий уровень рефлексии и неспособность к анализу ситуаций фрустрации и их последствий, отсутствие которых ведет к неадаптивному функционированию системы психологических защит. Сочетание в защитном репертуаре делинквентов по сути смежных защит отрицания и подавления усиливает исключение из сознания нежелательной информации, освобождая личность от переживания негативных эмоций. Подавление позволяет избегать воспоминаний, забывать подробности неприятных событий, что в конечном счете препятствует осознанию действительного внешнего конфликта, который попросту не допускается в систему как источник тревоги и беспокойства. Подавление предполагает грубые когнитивные манипуляции с событиями, актуализирующими негативные переживания. Неслучайно, например, Robert W. White относил его, как и отрицание, к защитам примитивного уровня. А по мнению G.E. Vaillant, следует различать подавление как примитивный механизм защиты, бессознательное исключение какой-либо идеи или личного опыта и связанных с ними эмоций, и вытеснение как произвольное подавление, которое относится к «зрелым» защитам высшего уровня. В любом случае, этот механизм защиты отражает неспособность личности к признанию необходимости нести ответственности за свое поведение.

Защита по типу реактивного образования у подростков, совершивших гомициды, практически не обнаруживается. Показатель по этой шкале занимает в иерархии их защит лишь предпоследнее место (4,26 балла), что, впрочем, только несколько ниже нормотипа (4,80). Причем выявляемые различия статистически не значимы. У подростков, совершивших корыстные деликты, он выше (6,79). Причем достоверность различий с нормативным показателем достигает уровня 95%, а с показателем, полученным в группе подростков, совершивших гомициды, — 99%. Согласно теоретической модели авторов [9], защита по типу реактивного образования имеет выраженную тенденцию к нарочитости, притворству, которые находятся в числе так называемых «женских» черт характера, и связана с такой личностной чертой как общительность. Можно полагать, что обследованные нами корыстные подростки, вынужденные к принудительному общению, более склонны к усвоению общепризнанных социальных стандартов в поведении по сравнению с подростками, совершившими гомициды. Их статус в учреждениях закрытого типа, как правило, ниже, чем у подростков, совершивших гомициды, в силу чего они чаще склонны проявлять тенденции к ассимиляции и конформизму.

Выраженность компенсаторных защит — защит наиболее высокого уровня — как у подростков, совершивших гомициды, так и в группе корыстных подростков достоверно ниже по сравнению с нормотипом. Показатели составляют, соответственно, 7,95; 9,71 и 12,69 баллов, достоверность достигает 99%-го уровня. Причем по этому показателю обнаруживаются достоверные различия и между основной и контрольной группами ($p \leq 0,05$).

Кластер интеллектуализации, как отмечают Е.С.Романова и Л.Р.Гребенников [7], объединяет такие защитные механизмы как аннулирование, сублимация и рационализация. Эти защитные механизмы возникают не ранее подросткового возраста и на этом основании считаются защитами более высокого уровня зрелости личности, поскольку дают возможность переосмысливать информацию, направлять свои усилия в новое русло. Интеллектуальный процесс в норме активизируется в подростковом возрасте, интеллектуализация выступает в качестве защиты от собственных инстинктивных влечений, от внешней реальности, ее наличие в репертуаре защиты, по мнению А.Фрейд [8], является свидетельством адекватного развития личности.

Высокая напряженность механизма интеллектуализации говорит о наличии таких черт личности, как рациональность и любознательность. Кроме того, как следует из теоретических представлений авторов этой методики [9], тенденция использовать интеллектуализацию как основной защитный механизм характерна для лиц с высоким самоконтролем. Легко заметить, что в обеих группах нами был получен портрет зеркально противоположного жизненного стиля.

В нашем исследовании выявлены различия между подростками исследуемых групп в частоте использования такого защитного механизма как компенсация. При этом подростки, совершившие гомициды, склонны достоверно реже ($p \leq 0,05$) по сравнению с нормотипом прибегать к такой форме защиты «Я». Напротив, подростки, совершившие корыстные правонарушения, используют этот защитный механизм достоверно чаще нормотипа ($p \leq 0,05$). Надо заметить, что компенсация является онтогенетически самым поздним и когнитивно сложным механизмом психологической защиты «Я». Она позволяет устранить дискомфорт от негативной социальной оценки и повысить свою самооценку путем достижения успеха в другой, более доступной жизненной сфере. При этом компенсация может происходить в позитивной форме, как устранение собственных недостатков, достижение успеха в социально одобряемых формах деятельности (учеба, спорт, творчество и др.), но также может осуществляться и как вариант вредоносной, по терминологии А.Адлера [1], компенсации: агрессивность, грубость в отношении старших по возрасту лиц, употребление алкоголя и психотропных средств и пр. То есть высокие показатели по этой шкале отнюдь не свидетельствуют о зрелости личности и эффективности ее психозащитной активности.

Проведенный нами анализ полученных результатов основывался на наиболее распространенной классификации механизмов психологической защиты, разделяющей их по уровню зрелости.

Для этих же целей можно использовать классификацию, предложенную Б.Д.Карвасарским [2], в которой все защитные механизмы разделяются по их функциям. С этих позиций обращает на себя внимание то обстоятельство, что у подростков, совершивших гомициды, среди используемых механизмов психологической защиты доминируют два типа защит: защиты, направленные на искажение содержания мыслей, чувств, поведения личности (проекция и замещение), и защиты, которые не производят переработки информации, просто нейтрализуя ее (отрицание и подавление). Надо заметить, что эти защитные механизмы, с одной стороны, дают только временный эффект, а с другой стороны, с психологической точки зрения являются энергозатратными, поскольку вытесненная информация должна удерживаться в области бессознательного.

Группа подростков, совершивших корыстные деликты, также наиболее часто использует защиты, направленные на искажение содержания мыслей, чувств, поведения личности (проекция и реактивное образование). Однако в отличие от представителей основной группы эти подростки задействуют механизмы манипулятивного типа, в частности, регрессию, при которой происходит возвращение на более ранние стадии личностного развития, проявляю-

щееся в демонстрации беспомощности, зависимости, в инфантильных чувствах, мыслях и действиях.

Таким образом, проведенное исследование напряженности психологических защит и их репертуарного разнообразия в группах несовершеннолетних, совершивших разные деликты, позволило сделать следующие выводы.

Несовершеннолетние, совершившие насильственные действия, повлекшие смерть человека, обнаружили более высокую по сравнению с корыстными подростками общую напряженность системы психологической защиты «Я». Общая напряженность психологических защит, выявленная у подростков, совершивших гомициды, связана, в первую очередь, с их склонностью прибегать в условиях угрозы «Я» к защитами наиболее примитивного уровня — протективным.

У представителей основной группы по сравнению с контрольной обнаруживается более узкий репертуар защитных реакций и низкая их эффективность. Они склонны использовать защитные механизмы, которые дают только временный эффект и являются с психологической точки зрения энергозатратными. У подростков, совершивших корыстные деликты, диапазон используемых защитных механизмов с точки зрения исполняемых ими функций шире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер А. Смысл жизни // Философские науки. 1998. № 1.
2. Карвасарский Б.Д. Психотерапия. М., 1985.
3. Михайлюк Е.Б. Особенности защитно-совладающего поведения девиантных подростков: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 2006.
4. Налчаджан А.А. Социально-психическая адаптация. Ереван, 1988.
5. Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х. Психологическая защита и самооправдание в генезисе преступного поведения // Личность преступника как объект психологического исследования / Отв. ред. А.Р.Ратинов. М., 1979.
6. Реан А.А. Психология подростка. СПб., 2003.
7. Романова Е.С., Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты: Генезис. Функционирование. Диагностика. Мытищи, 1996.
8. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. М., 1993.
9. Plutchik R., Kellerman H., Conte H.R. A structural theory of ego defenses and emotions // Izard E. (ed.) Emotions in personality and psychopathology. N.Y., 1979.